

Мария Черникова

Любить

нельзя
отказаться

Мария Черникова

Любить нельзя отказаться

«Издательские решения»

Черникова М.

Любить нельзя отказаться / М. Черникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834083-3

Любить нельзя отказаться. Казалось бы, ни к чему не обязывающая простая фраза, если бы не одно но. От того, где мы поставим запятую, зависит судьба маленького человечка. Одна маленькая запятая в этом коротком предложении чуть было не стала нашей самой огромной ошибкой в жизни. На страницах этой книги отразились все 7 лет нашей особой жизни. И я верю, что кто-то, прочитав ее, правильно поставит для себя запятую, и еще один малыш останется дома.

ISBN 978-5-44-834083-3

© Черникова М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
С днем рождения, малыш!	7
Начало пути	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Любить нельзя отказаться

Мария Черникова

*Посвящается моему лучику – Сонечке, с благодарностью за то,
что выбрала нас.*

*Вы архитектор своей судьбы,
вы автор, вы пишете историю своей жизни, пишете...
И развязка зависит полностью от вашего выбора.
(Из фильма «Секрет»)*

© Мария Черникова, 2016

© Женя Ясная, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-4083-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Любой человек, находящийся в здравом уме и трезвой памяти вряд ли станет представлять свою жизнь в черных красках. Все мы мечтаем «о прекрасном далеком», которое рано или поздно настигнет нас и захлестнет волной необыкновенного счастья. Так было и со мной. Еще с раннего детства я представляла себе свою дочку: маленькая хорошенькая девчушка со светлыми волосами, задорными глазками и самой обаятельной улыбкой. Она самая красивая, самая умная, самая добрая, самая успешная и самая лучшая девочка на свете, которую бы я любила больше жизни. А еще я твердо знала, что ее появление полностью изменит мою жизнь...

Но тогда я, конечно, не могла знать, что мое первое знакомство с синдромом Дауна, которое произошло в 9-м классе, станет первым вестником крутых перемен, произошедших гораздо позднее.

Я помню свое отвращение к этой теме и людям с таким диагнозом. С высоты юношеского максимализма я твердо для себя решила: что если у меня родится такой ребенок, я от него откажусь...

С днем рождения, малыш!

29 марта 2009 года началась наша история. Это был по-настоящему весенний день. Солнце светило ярко и своими жаркими лучами прогоняло снег отовсюду, куда могли добраться его теплые лучи, птицы распевали на разные мотивы и на душе был необыкновенный восторг в преддверии чего-то совершенно необыкновенного!

Я чувствовала себя хорошо. Было немного волнительно, но я старалась держаться: а как иначе, ведь от меня зависела новая, такая долгожданная жизнь.

Ровно в 20:00 на свет появилась моя маленькая дочка, звонким криком она оповестила всех присутствующих о своем приходе. В этот самый важный и трепетный момент я ждала теплых слов поздравления, но врачи молчали. Лица их изменились, они стали каменные и не выражали ровным счетом ничего. Мне стало страшно... На все мои просьбы показать мне ребенка они отводили глаза и почему-то перешли на шепот. Обстановка становилась невыносимой. В палату стали стекаться все светила местного роддома. По очереди они смотрели на мою дочь, молча кивали и уходили. Нервы не выдерживали этой затянувшейся тишины, я была на грани истерики.

Спустя некоторое время, когда малышке провели все процедуры, ко мне подошла врач неонатолог и, держа ребенка практически за шкирку, сквозь зубы прошипела:

– Смотри, кого ты родила! Это не ребенок, это даун! Ты видишь?

Я не видела дауна, я видела только бездонные синие глаза, которые смотрели прямо на меня. Я до сих пор, спустя семь лет, помню ее пронизывающий взгляд, который, кажется, в тот самый момент коснулся моего сердца.

Мы смотрели друг на друга с любовью. Я помню, как я улыбнулась, но мое умиротворение прервал надменный голос врача:

– Гляньте, она улыбается! Плакать надо, мамаша!

Дочку сразу же унесли, мне не дали до нее даже дотронуться, как будто она прокаженная.

Слез не было. Истерики тоже. Я спокойно взяла трубку и набрала номер мужа. Спокойным холодным голосом я отрезала его восторженные расспросы о том, какая она, какие у нее глазки, волосики, какой вес:

– У нас дочка. У нее синдром Дауна.

В трубке была мертвая тишина. Я поняла, что слова сейчас будут лишними и нужно время.

Отключив телефон, я закрыла глаза. Хотелось уснуть и, проснувшись, обнаружить, что это просто сон, дурной сон, который вот так лихо всколыхнул сознание.

Очнувшись я часа в три ночи уже в палате. Я стала вспоминать и прокручивать события за последние часы. Реальность и забытые смешались в голове, и было трудно сразу определить, что явь, а что нет. Но спустя несколько минут меня поглотила волна отчаяния и жалости к себе. Вроде я ни в чем не виновата, а стыдно было так, что хотелось бежать. Вот прямо сейчас встать, бросить все и убежать, чтобы никогда не жить с таким позором. Как? Как я скажу всем, что у меня такой ребенок?

Утром у меня в палате была целая бригада «сочувствующих», которые пришли посмотреть на меня и уговорить написать отказ. Неонатолог даже запретила приносить ребенка на кормление, так говорит, будет легче подписать отказ. В тот момент я не знала, что делать. Мозг рисовал страшные картины вечно улыбающегося глупого ребенка, который не умеет говорить и держать ложку, а сердце тянулось к моей маленькой крошке.

В этот день мужа не пустили, и мы общались только по телефону. Он постоянно пытался оправдать меня, как будто это нелепая ошибка и уж с нами такого точно произойти не могло! Сейчас это, конечно, звучит смешно, но тогда в стрессовом состоянии мы даже предположили,

что ребенка просто хотят продать на органы, поэтому и требуют отказ. По крупичкам он собирал информацию в интернете и пересказывал мне. Раз двадцать в день он задавал мне кучу вопросов, все сравнивая и пытаясь понять, а еще решить судьбу этого маленького человечка. Я ничего не хотела решать, я только плакала, даже не так, я рыдала. Рыдала от страха перед неизвестным, от жалости к ребенку, от неожиданного поворота, который так беспардонно подкинула жизнь. Я ничего не знала о таких людях, я никогда не видела их в жизни, и мне казалось, что это что-то невероятное, как будто это не ребенок, а неведома зверушка.

И вдруг Илья впервые за сутки заговорил об отказе. «Понимаешь, – сказал он, – наверное, так будет лучше. Пойми, мы ее не бросим, станем навещать, привозить вещи, но она должна остаться среди таких же детей, ей будет проще жить среди них».

Я выслушала его, и в голове стало пульсировать, что я не смогу сделать этого. И пусть лучше я потеряю мужа, чем всю оставшуюся жизнь буду жить с таким грехом. Я даже представила эту ужасную картину: как мы садимся за стол, вкусно пьем и едим, а моя маленькая девочка сидит в это время в кровати за железной решеткой и знает вкус только геркулесовой каши. Как ей будет плохо, когда она заболит, мамы не будет рядом, и она никогда не узнает материнской ласки. Ну разве она виновата в этом, что Бог ее создал такой.

Мои мысли прервал голос заведующей:

– Завтра нужно будет определиться, что делать с девочкой. – И выходя из палаты, она оставила мне на тумбочке две книжки.

Краем глаза я посмотрела на тумбочку и прочитала: «Даунсайд Ап. Помощь родителям».

Нужно было решать...

Я набрала маме.

– Что мне делать? – тихо спросила я.

– Не знаю. Тут решать только вам вдвоем, – было слышно, что на том конце мама тоже плакала. Она никак не могла мне помочь, потому что прекрасно понимала, что это должен быть только наш выбор.

– Как я дальше жить буду, мама? Я не смогу ее оставить, – почти крича, выпалила я и бросила телефон.

И тут мой взгляд опять остановился на книжечке, которая лежала на тумбочке. С обложки на меня смотрели улыбающиеся родители, которые сидели на коврик с детьми и играли. Рука сама потянулась к ней. Я пролистала и ни на одной странице я не увидела страданий, они все улыбались, и казалось, даже были счастливы. Впервые за сутки меня посетила мысль о том, что значит не все так плохо. Если они улыбаются, значит все можно исправить.

В этот же миг я вылетела в коридор и пошла к детской. Меня пустили и спустя двое суток мы, наконец, встретились с дочкой. Я стояла у кюветы с моей крошкой, такой маленькой, хорошенькой, такой беззащитной и самой лучшей на свете, гладила ее по головке и в этот миг я была по-настоящему счастлива.

Выходя, я потребовала, чтобы мне приносили ребенка на кормление. Теперь я твердо знала, что ничто и никто не заставит меня от нее отказаться!

На следующее утро пустили мужа. Мы стояли на лестничной клетке, и я взахлеб рассказывала, какая она хорошенькая. И что она ничуть не похожа на все те ужасы, которые он мне рассказывал по телефону. Я видела, как он «цеплялся» за мои слова и пытался уловить надежду на то, что все будет хорошо. Я показала фотографии нашей дочки, которые я надедала, а он смотрел и плакал. Я не уговаривала его поменять решение, я хотела, чтобы это был его собственный выбор, за который он возьмет всю ответственность на себя и не станет потом искать виноватых, если вдруг его надежды никогда не оправдаются.

Надо сказать, что я никому не сказала о своем решении. Родители и муж до выписки не знали, что я кормлю дочку. Выписывали нас через шесть дней. Вечером перед выпиской приехал Илья и сказал, что чтобы там ни было, он забирает нас обеих домой. Я переспросила

его, уверен ли он, в тот момент он ответил, что если она родилась у нас, значит, мы должны ее воспитать.

– Я не смогу спокойно спать, – сказал он, – зная, что где-то моя дочь болеет или голодает! Мы так ждали ее и за девять месяцев успели полюбить так, что теперь просто обрубить и забыть уже не получится.

И тут я призналась, что все это время мы были вместе.

Утром я объявила заведующей о нашем решении, и 4 апреля 2009 года мы всей нашей новоиспеченной семьей отправились домой.

Начало пути

*Не задумывайся о том, куда идти дальше,
когда находишься посередине висячего моста.
(112 законов из книги «Тайна»)*

На девятый день жизни нашей Сони мы повезли ее сдавать анализы на кариотип. Это было похоже на сумасшествие. Мы как дети надеялись на чудо. Верили в то, что это фатальная ошибка врачей и эта простая манипуляция обязательно все расставит на свои места.

Всю неделю я молилась, стоя перед иконами. Я не хотела принимать диагноз, я боялась признаться сама себе, хотя я видела, что ребенок отличается от тех, которых я видела в род-доме, к тому же Бог, конечно, не допустит такого недоразумения. Но случилось все не так, как мы планировали. Бог предал нас...

Я не помню, как прошла ночь, а утром я отправилась в церковь. Когда я зашла внутрь, мои эмоции вышли из-под контроля и словно извержение вулкана вырвались наружу жуткой истерикой.

– Ты лживый! Ты подлый! Ты жестокий! Я ненавижу тебя! – сквозь слезы кричала я, и сорвав с себя крест, запустила его в дальний угол. В тот момент мне казалось, что ОН видит меня и слышит: хотя в церкви еще находились люди, было полное ощущение того, что мы там только вдвоем.

– За что ты так со мной? Ответь, ну в чем я провинилась перед тобой, – голос срывался и начинал хрипеть. – Какой ты после этого Бог, если заставляешь людей страдать. – Опустившись на колени и закрыв лицо руками, я расплакалась еще сильнее.

Две старушки взяли меня под руки и посадили на скамеечку.

– Поплачь, детка. Все уляжется, и ты поймешь, что **все, что сделано, сделано правильно**. У Бога не бывает ошибок. – И ее тихий голос заставил меня на миг прекратить рыдать и задуматься.

Но тогда я совсем не поняла ее слов, хотя почувствовала, как они осели где-то глубоко в душе, будто выжидали подходящего времени для того, чтобы проникнуть в мозг.

Первые несколько месяцев были для меня самыми сложными. Я никак не могла понять, какую позицию мне занять, как вести себя с ребенком: я любила ее, но что-то навязанное извне отталкивало меня от нее, и казалось, так будет всегда. В этот период самым тяжелым было принять ситуацию такой, какая она есть и осознать, что я не первая, кто столкнулся с такой проблемой. Выходя на прогулку с коляской, я даже в пасмурный день надевала очки, так я ощущала себя защищенной. В те моменты я думала, что все видят и знают о том, что я родила такого ребенка. А значит, осуждают или, хуже того, презирают.

С Ильей было все гораздо проще. Он принял для себя решение, и создавалось ощущение, что оно непоколебимо. Хотя я прекрасно осознавала, как оно ему далось. После того как Соня оказалась дома, мы больше ни разу не заводили разговор о том, что нам делать дальше. Он просто растворялся в маленьком комочке и заботился о ней с таким трепетом и теплотой, что порой я даже начинала злиться. В отличие от меня он рассказал о рождении дочери всем. Он даже не стеснялся, а наоборот, будто выставлял ее напоказ, и все время твердил – она самая лучшая. Это именно он первым связался с центром «Даунсайд Ап» и договорился о помощи специалиста. Но в тот момент я считала, что это нам не нужно и оттягивала приход еще полгода.

Да простит меня моя дочь, которая, однажды прочитав эту книгу, вдруг осудит меня за такие мысли. Но в 22 года я была абсолютно не готова к таким трудностям.

Мне потребовалось невероятное количество времени, чтобы перекроить свою жизнь и играть по новым правилам.

Сейчас, оглянувшись назад, я ругаю себя за слабость, потому как первые три месяца я жалела только себя. Мой эгоизм вырывался наружу огромными потоками, и за ними я не видела абсолютно ничего.

Судорожно каждую ночь я искала информацию о синдроме, но тогда, в 2009 году, ее практически не было. Все источники были слишком старые и датировались 1937-м и 1959-м годами.

Глотком свежего воздуха для меня стал форум «Мыс доброй надежды», именно с него началось мое погружение в проблему. Я впервые прочитала историю Лучика, так ласково называла мама своего малыша, родившегося с синдромом Дауна, и поняла, что с этим можно жить. Я стала читать форум, и оказалось, что я не одна. Как это было важно понять, что ты не один с такой проблемой! Это был мой первый шаг на пути к принятию своего особого ребенка. Но как же я была далека еще от всего того, что нам пришлось пройти. В голове стали появляться первые мысли о том, что я смогу перестать стесняться своего малыша. Но я еще не совсем понимала, как мамы могут радоваться, когда дети в три года делают свои первые шаги или в пятилетнем возрасте осиливают самый простой пазл, а появление первых слов в четыре года меня совсем пугало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.